

Играть – это счастье, а счастье МОЛОДИТ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

– А другие, думаете, поддаются? Вы верите в “волшебную силу”?

– Слабо. Но в провинции более непосредственный народ, еще сохранились корни старой России. Я говорю “старой”, потому что советская Россия многие качества выхлостила... Хотя какое-то приличие все же сохранилось. Я понимаю, каковы нынешние реалии. И даже готова понять, почему нынешний зритель так полюбил клип, мгновенное зрелище. Ему хочется увидеть, отключиться и больше об этом не думать. Мало кому интересно что-то серьезное.

– Почему, как вы думаете?

– Думаю, сейчас господствует иной культ – не чувств, а прагматизма и процветания. Есть еще культ физической красоты. Многие диктуют гламур, глянец. Если раньше человек мог сегодня выглядеть так, а завтра – эдак, то теперь есть некий образец, к которому стремятся изо всех сил. Мне даже кажется, никто особо не жаждет любви. Я почти не слышу слов: у меня горе оттого, что меня не любят. Больше говорят: меня постигла неудача. То есть, я планировал хороший результат, но не вышло.

– В Театр сатиры пришло много молодых, способных артистов. Они в жизни – такие, как вы говорите?

– Мальчиков я совсем плохо знаю – не удается поговорить. А девочки... Они все со мной очень нежны. Может быть, оттого, что я говорю им какие-то слова, когда вижу хорошую игру? Маша Куликова очень сильно играет в “Талантах и поклонниках”.

В. Васильева в сцене из спектакля “Нам все еще смешно”

Не все мне нравится – в ней мало “старинности”, что ли. Но по чувствам ее игра глубока. А это значит, что она и в жизни способна глубоко чувствовать.

Светлана Рябова так нервно и так нежно играет в “Орнифле”! Она просто – большая актриса, у нее огромный, по-моему, потенциал. Сейчас нет условий, чтобы узнать друг дру-

га. Когда я пришла в театр, все были со мной ужасно ласковы, говорили: “солнышко”, “умница”. Я была как в мягкой вате. А теперь мы не ходим друг к другу на премьеры, не видим товарищей годами. Нет гастролей (это всегда очень сближает), нет собраний... Пропало ощущение дома, все куда-то бегут, боятся быть невосстановленными. Вот я всю жизнь тут

провела, а дома как будто не стало. Впрочем, может быть, это мое возрастное ощущение, а у молодых все так же, как когда-то было у нас?

– Давайте больше не будем о грустном. Вера Кузьминична, как вы поддерживаете такую потрясающую физическую форму? Что-нибудь специальное делаете или живете, как хочется.

– Я живу как хочется. Но не ем хлеба и сладкого. Раньше я много гуляла – люблю ходить по лесам-лугам, причем одна. Теперь из-за семейных обстоятельств делаю это меньше. Начала поправляться, а мои костюмы, сшитые на роли, так красивы, что надо бы в них по-прежнему уместиться. Стала ходить в бассейн.

– Помнится, у вас было много общественных нагрузок: актив Дома актера, социально-бытовая комиссия СТД...

– Актив Дома актера и сейчас соберется в октябре, к началу нового сезона. Но несколько дней назад состоялся замечательный вечер “Круглая дата”. У дома есть традиция – собирать юбиляров за весь год и приглашать их на праздник с семьями. Моему мужу Владимиру Ушакову, артисту нашего театра, исполнилось 85 лет, и он был счастлив провести этот вечер с друзьями. А от работы в социально-бытовой комиссии я отказалась еще перед последним съездом СТД. Я тогда сказала Александру Калягину, что не вижу смысла в моей деятельности. В тот период у союза было мало денег, мы теряли Рузу, Звенигород... К нам стекались печали, а я ничем не могла помочь. Начинала что-то говорить на очередном заседании секретариата, а мне отвечали убедительными финансовыми выкладками, что средств нет. И получалось: что есть мы, что нет нас... Это как нынешняя “свобода слова”: собака лает, ветер носит.

– Вы, наверное, вообще умеете вовремя отказаться. Например, от телесериалов.

– Я была в одном сериале – “Салон красоты”, – играла женщину, которая приютила девочку из провинции. Все это начиналось с размахом чуть ли не на 100 серий. Да еще – в противовес американским сериалам. Задумывалось задушевное кино. Но как только начались съемки, мы поняли, что ничего похожего на добрый психологический фильм не будет. Ёнка была безумная! Вымарывались все спокойные, неспешные сцены, потом, дабы привлечь внимание, стали снимать поп-звезду, появились сцены в барах, хорошенькие девочки, которые приходили ухаживали. Линии намечались и обрывались. А потом и сам сериал заглох. Но я поняла: соглашаешься на одно, а получишь совсем другое. Были еще предложения, но везде дальше типажа не шло. Меня ждала функция тетушки, бабушки, которая варит обед и ждет домочадцев. Скучно, играть совершенно нечего. Правда, бывают предложения в антрепризе, причем неплохие. Но антрепризный спектакль надо катать по всей стране, а смогу ли я выдержать этот режим? А недавно на телевидении предложили роль бабушки. Я подумала, как интересно: времена Наполеона, дворянская семья... Но бабушка моя оказалась глухонемой. Я спросила: “Так что же, дадут чепчик, и буду вязать или вышивать гладью? Выступать в роли канделябра?” И отказалась.

**Беседу вела
Наталья КАМИНСКАЯ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ**